ЧАСТЬ II

ЭЛЕМЕНТЫ ГЕРБА

К основным частям герба (*våbenets bestanddele*), из которых состоит так называемый "полный герб" (*fuldstændige våben*), в современном датском гербоведении принято относить заключающий эмблемы щит, шлем с его и наметом, корону, щитодержатели, мантию, девиз, а также орденские знаки[1]. Перечисленные элементы герба, однако, вводились постепенно, в продолжение нескольких веков, и каждый из них имел свою культурно-историческую судьбу.

Глава первая

ЩИТ И ЕГО ЭМБЛЕМА

Христианское мировоззрение, определявшее умонастроение западноевропейского человека средневековой эпохи, придавало искусству значение назидательное, учительное, символически-наглядное. Представление же о том, что художественные образы должны наделяться чертами типическими, восходящими к идеальным прообразам горнего мира, создавало основу для распространения этих типических образов на пространстве всего культурно-исторического мира Западной Европы[2].

Но на началах типизации, уходивших корнями в ту же духовную почву, строилась вся жизнь этого мира, мыслились сами состояния, к которым причислялись его обитатели. Типическими характеристиками, основанными на представлениях об идеальном христианском воине, наделялся и рыцарь, причем в качестве не только общественного типа, но и носителя снаряжения, которое определяло его воинский образ. Однако идеальный образ рыцаря-воина в произведениях искусства с течением времени претерпевал изменения. Причиной тому являлись перемены, происходившие во внешних свойствах боевого вооружения. Здесь сказывалось умозрение людей высокого и позднего Средневековья, объективировавшее в художестве типические качества чувственных вещей. Не будем также забывать, что готическое искусство, которое определяло характер художественной образности элементов

[1] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. Kbh., 1919. S. 43; *Bartholdy N.G.* Heraldik // Dansk kulturhistorisk Oplagsværk. Kbh., 1991. Bd. I. S. 326–327.
Дворжак М. Идеализм и натурализм в готической скульптуре и живописи // Дворжак М. История искусства как история духа. СПб., 2001. С. 92.

герба в конце XII – начале XVI в., развивалось в сторону все большей передачи натуралистических подробностей при изображении зрительной предметности.

Такие особенности средневекового искусства, очевидно, не могли не сказаться и на художественных изображениях элементов герба. Эти элементы тоже должны были представать как типические образы, мыслившиеся как идеальные, но создававшиеся под впечатлением предметов-прообразов, которые находили применение в повседневной жизни. Поэтому историческую судьбу тех элементов герба, которые своим происхождением обязаны рыцарскому оружию, попытаемся проследить в связи с историей последнего.

Щит явился тем элементом герба, который уже в XII в. стал отождествляться с его действительным боевым прообразом, бывшим непременным предметом снаряжения рыцаря. С эпохи викингов и до XIII в. у европейских, в частности датских, воинов в употреблении находились так называемые норманнские щиты. Именно эти длинные, остроконечные и в верхней части округлые щиты, заключающие различные знаки, обнаруживаются у датских воинов на одной из миниатюр английской рукописи "Жития св. Эдмунда" (середина XII в.). С похожими щитами, на которых тоже просматриваются "геральдические" знаки, представлены и два противостоящих друг другу конных рыцаря на оловянном фризе в Лундском соборе (ок. 1200 г.)[3]. Противоборство конных воинов с "норманнскими" щитами видим также на фреске в Хойенской церкви (цв. илл. 39).

Но уже на рубеже XII–XIII вв. в Дании, вероятно, не без влияния извне (прежде всего из Франции и Германии), "норманнский" щит мало-помалу вытесняется небольшим треугольным щитом. Такой гербовый щит (*våbenskjold*) представлен на печати короля Кнута VI (ок. 1194 г.) (илл. 5). Треугольный щит употреблялся в Дании до второй половины XV столетия, хотя его конфигурация со временем претерпела некоторые изменения. Как можно судить по печатям, в продолжение первой половины XIII в. верхняя часть треугольного щита постепенно утратила свою овальную форму, унаследованную от норманнского щита, и к 1250 г. превратилась в совершенно плоскую поверхность. Одновременно менее округлыми, а зачастую и вовсе прямыми, стали боковые стороны щита. В дальнейшем, около середины XIV в., наметилась тенденция к закруглению нижней части щита. Для эпохи Эрика Померанского (1396–1439) уже характерны изображения именно таких щитов, известных в геральдической литературе под названием "испанских": их, например, можно увидеть на печатях и гербовом фризе в замке Кронборг. Впрочем, заостренная форма щита, иногда с довольно округлыми сторонами, продолжает встречаться еще на памятниках, датируемых серединой XV столетия[4].

Во второй половине XV и первой трети XVI в. в Дании, как можно заключить по изображениям гербов на печатях, надгробиях и живописных портретах, получил преимущественное распространение щит в виде несколько удлиненного квадрата с округлыми нижними углами и вырезом в верхней части правого бока. Наряду с таким щитом, известным как "старый"

[3] *Verwohlt E.* Turneringer og ridderspill Norden // Herald. Tidsskr. 1979. N 39. S. 433.

[4] *Tratteberg H.* Sköld (Heraldisk) // KLNM. 1971. Bd. XVI. S. 139–140; *Rancke J.* Sköldformens utveckling på danskt område 1140–1500 // Herald. Tidsskr. 1972. N 26. S. 262–263.

распространение гербовые щиты самой разнообразной, зачастую весьма затейливой конфигурации. Еще более вычурный характер очертания гербовых щитов датчан стали принимать в XVII в., что являлось следствием влияния барочного искусства, предполагавшего обилие декоративных украшений. Изображения гербовых щитов с такими живописными очертаниями уже не являлись образами боевых щитов, существовавших в действительности, а создавались под влиянием художественных вкусов ренессансной и барочной эпох. Этот факт объясняется тем обстоятельством, что в XVI столетии воинский щит в Западной Европе постепенно утратил свое значение как предмет снаряжения воина-рыцаря и вышел из употребления. Развитие же абстрактного мышления в позднее Средневековье и первые века Нового времени способствовало превращению щита в понятие отвлеченное, которое начало отливаться в формы, обусловленные уже только художественными вкусами эпохи или личными духовными переживаниями человека.

Это развитие гербового щита, сначала как образа боевого щита, а затем как понятия отвлеченного, хорошо прослеживается не только на примерах щитов, заключавших королевский и дворянские гербы, но и на примере щитов, на которых изображался герб города Мальмё. Так, в грамоте, в которой король Эрик Померанский сообщает о пожаловании городской общине Мальмё герба (1437 г.) (илл. 57), а также на печати этого города, употреблявшейся в 1443 г., присутствует изображение боевого щита, характерного для той эпохи. Этот щит нарисован с прямыми линиями, из которых боковые образовывали внизу полукруг[5]. На другой печати Мальмё, находившей свое применение в 1508–1555 гг., передан щит типа тарч[6]. Последующие же печати, которые использовались властями Мальмё во второй половине XVI – XVII в.[7], уже содержат изображения щитов с вычурными очертаниями, какими боевой щит никогда не обладал.

Потерей гербовым щитом связи с щитом боевым объясняется и то, что приблизительно с середины XVI в. одновременно с ренессансными, а затем и барочными искуственными щитами могли продолжать изображаться щиты, которые напоминали своими очертаниями боевые (и, соответственно, гербовые) щиты конца средневековой эпохи. Они могли изображаться в верхней части с прямыми линиями, которые внизу часто оканчивались либо скобой, имевшей по центру маленькое заострение, обращенное вниз, либо полукружьем. Из них первый представлен, например, на сундуке, украшенном изображениями гербов родов Росенспаре и Росенкранц (ок. 1580 г.)[8] (илл. 35). Второй запечатлен на гравюре с портретом Кристена Фрииса (1630-е годы) (илл. 31). Наряду с этими двумя видами гербового щита, в дальнейшем получившими в Дании наибольшее распространение, в XIX–XX вв. на датской почве создавались изображения гербовых щитов, образцом для которых служили типы остроконечных щитов, бывших в употреблении в конце XII – XIV в.

---

[5] DKSS. Tavle 28 c.
[6] Ibid. Tavle 28 e.
[7] Ibid. Tavle 28 f–h.
[8] *Eller P.* Frederiksborg Museum. Kbh., 1994. S. 44.

С первой четверти XVII в. гербовым щитам могла придаваться и овальная форма. Например, в таких щитах были заключены королевские гербы, изображенные на серебряном бреддалере Кристиана IV (первая половина XVII в.)[9] и на титульном листе "Королевского закона" (составлен в 1665 г), вышедшего из печати в 1709 г.[10] Овальную форму могли также придавать обрамлению гербовых щитов. В такого рода обрамлении, игравшем фактически роль дополнительного внешнего щита, изображались, например, гербы рыцарей орденов Слона и Даннеброга, которые и по сей день принято вывешивать в церкви замка Фредериксборг. В XVII в. гербовый щит датской принцессы мог иметь форму сердца, как на печати Анны Софии (1666 г.) (илл. 192), дочери короля Фредерика III и жены (с 1666 г.) принца, затем курфюрста Саксонского Иоганна Георга III[11].

Илл. 192. Печать датской принцессы Анны Софии, 1666 г.

Что касается ромбовидного щита, который в некоторых европейских странах являлся элементом дамского герба, то в Дании подобные изображения не известны. Они встречаются только в качестве обрамления гербов некоторых датских принцесс, выходивших замуж за иноземных государей. В ромбовидный щит, например, был заключен "брачный герб" шотландской королевы Маргариты Датской на картине с ее портретом кисти Хуго ван дер Гуса (ок. 1470 г.) (цв. илл. 34).

В XVI и последующих столетиях гербовые эмблемы одного и того же лица могли изображаться на щитах самой различной конфигурации. Немало примеров тому дают королевские гербы. Так, на монетах времени правления Фредерика I (1523–1533) обнаруживаем гербы на щитах типа тарч, "испанском" и "ренессансном"[12]. На портрете короля Фредерика II (1559- 1588), написанном в 1581 г. Хансом Книпером, королевский герб заключен в "ренессансный" щит. Такой же тип гербового щита, с некоторыми изменениями, представлен на далере Фредерика II (1572 г)[13] и гобелене работы Книпера (цв. илл. 47). Однако на карте Дании Йордана, датированной 1585 г., элементом герба того же короля является щит, представляющий собой квадрат, нижняя сторона которого равномерно закруглена и имеет маленькое заострение по центру (цв. илл. 35). Похожую картину наблюдаем и в отношении герба короля Кристиана IV, обрамлявшегося щитами "ренессансного" (португалёсер 1592 г. и гравюра в "Ольденбургской хронике", изд. 1599 г.) и "испан

[9] *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976. S. 71.
[10] *Eller P.* Op. cit. S. 67.
[11] DKS II. Tavle 17 a.
[12] *Bendixen K.* Op. cit. S. 58–60.
[13] Ibid. S. 67.

ского типа" (далер 1597 г.)[14] (илл. 154). Примеры такого рода дают нам и дворянские гербы. Так, герб Сёрена (Северина) Норбю на его печати предстает со щитом формы тарч[15], а на скиллинге, который был выпущен на Готланде в 1534 г., где Сёрен Норбю правил от имени низложенного короля Кристиана II (1513–1523), — со щитом "испанского" типа (илл. 19). Разные конфигурации "ренессансных" щитов имеет также герб адмирала Педера Скрама на его печати (1570–1576 гг.) и надгробии[16].

Очевидно, что щиту, каким бы важным атрибутом образа герба он ни являлся, никогда не придавалось значения художественного элемента, по которому можно было бы идентифицировать сам герб. Своей конфигурацией щит мог лишь указывать на пол лица, которому принадлежал герб, а именно на женщину, о чем свидетельствуют щиты в виде ромба и сердца в дамских гербах. Отсюда проистекало то равнодушие, с каким создатели датских надгробий и гербовников XVI–XVIII вв., а также "реставраторы" гербовых фризов относились к формам щитов, в которые заключались гербовые эмблемы лиц, живших в Средние века и первые столетия Нового времени. Возвращение же к различным формам средневекового щита, которое прослеживается по датским изобразительным памятникам XIX–XX вв., может находить свое объяснение в умонастроении человека этих столетий. Разложение цельного мировоззрения вместе с падением христианско-символического умозрения в позднее Средневековье привело в Новое время к развитию на западноевропейской почве личности, которая оказалась духовно открытой влиянию художеств разных культурно-исторических эпох. Эта личность или пребывала в поиске нового, или, не находя удовлетворения в настоящем, искала вдохновения для творчества в наследии прошлого. Отсюда, в том числе, тоска по художественным формам прежних эпох, находившая в XIX–XX вв. свое выражение в подражательных стилях, известных под именами неоготики, необарокко, неоклассицизма, неоромантизма и т.д. В их явлениях объективировался дух последних столетий, который, конечно, не мог не найти своего материального воплощения и в геральдике – в художественной образности элементов герба, щита в частности.

У датских гербоведов, как и у гербоведов других европейских стран, принято называть правую сторону (*højre side*) и левую сторону (*venstre side*), правый край (*højre siderand*) и левый край (*venstre siderand*) щита с точки зрения предполагаемого носителя самого щита, при этом за правой стороной признается первенство чести. В соответствии с таким правилом определения сторон гербового щита подразделяются и его части: правый верхний угол (*højre overste hjørne*) и левый верхний угол (*venstre overste hjørne*), между которыми пребывает верхний край (*overanden*) щита, правый нижний угол (*højre nederste hjørne*) и левый нижний угол (*venstre nederste hjørne*), замыкающие нижний край (*underranden*) щита[17]. Однако все эти термины в датской геральдике окончательно утвердились только в XIX в.

---

[14] Ibid. S. 67–68; *Rian Ø.* Den aristokratiske fyrstenstaten 1536–1648. Kbh., 1997 (Danmark-Norge. 1380–1814. Bd. II). S. 207.

[15] DAS II. L XI 14.

[16] Ibid. B V 16–17; *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid: Studier over Værksteder og Kunstnere. Kbh., 1951. Planchebind. Tavle 86.

[17] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 55–57.

Предпочтительное отношение к правой стороне щита в европейской, в частности датской, геральдике утвердилось еще в Средние века под влиянием древнего представления, что правая сторона является более почетной. Действительно, на датских надгробиях (известных с XIV в.) и портретах (начиная с XV в.) супругов справа (в геральдическом смысле) всегда изображался муж, который занимал в семье главенствующее положение по отношению к жене. Этим же правилом, с XIII–XIV вв. руководствовались и при воспроизведении на различных памятниках щитов с гербами супругов. Так, на печати 1301 г., принадлежавшей Риксе Датской, дочери короля Эрика V, обнаруживаем справа от женского образа герб мужа княгини, князя Николая Верлейского, а слева ее родовой герб (короля Дании) (илл. 98). Ту же картину наблюдаем на печати герцогини Ютландской Риксы (1358 и 1373 гг.). С правой стороны от образа герцогини видим щит с гербом ее мужа, герцога Вальдемара V Ютландского, а слева щит с гербом ее отца, герцога Текленбург-Шверинского (илл. 116)[18]. Еще один пример такого расположения щитов представлен на Кронборгском фризе (1420-е годы), где изображены гербы королевской четы – Эрика Померанского и Филиппы Английской. Традиция изображать герб мужа с правой стороны нашла отражение и в "брачном гербе" королевы Филиппы, который можно видеть не только на Кронборгском фризе, но и на ее печати. Этот герб представляет собой рассеченный щит, правая сторона которого была отведена для герба ее супруга, а левая – для её родового герба (королей Англии)[19] (илл. 99).

Европейские геральдические понятия положены и в основание деления щита на отдельные поля (*felter*)[20], которые обозначаются или арабскими цифрами (на щите и при описании), или соответствующими словами (при описании). Датские гербоведы различают девять типов щитов: рассеченный (*kløvet или delt i to felter*), где первое поле соответствует правой стороне, а второе – левой; пересеченный (*delt* или *tværdelt i to felter*), где первое поле оказывается наверху, а второе – внизу; скошенный справа (*skrådelt fra højre* или *skrådelt i to felter*) и скошенный слева (*skrådelt fra venstre*), имеющие первое поле справа, а второе – слева; дважды рассеченный (*to gange kløvet* или *to gange delt i tre felter*), в котором перечень трех полей начинается с правого бока; дважды пересеченный (*to gange delt* или *to gange tværdelt i tre felter*), в котором три поля исчисляются сверху вниз; четверочастный (*firdelt* или *firdelt i fire felter*), заключающий первое и второе поле вверху, а третье и четвертое внизу, с исчислением оных справа налево; скошенный четверочастный (*firdelt på skrå* или *skråt firdelt i fire felter*), содержащий первое поле вверху, четвертое внизу, второе с правого бока и третье с левого бока; девятичастный, или два раза рассеченный и два раза пересеченный (*to gange delt og to gange tværdelt i ni felter*), в котором, при перечислении справа налево, верхнюю часть, или главу (*skioldhovedet*) занимают первое, второе и третье поле, сере

---

[18] DKS. N 141–142.

[19] Ibid. N 64.

[20] Слово поле (*campus, felt*) в Скандинавских странах при описании гербов употреблялось уже в XIV в., о чем свидетельствуют описание герба графа Нёррехалландского Якоба Нильсена, сделанное в 1306 г. в грамоте епископов Эрланда Фарерского и Арне Бергенского (см. с. 350), а также дворянские гербовые грамоты.

дину щита – четвертое, пятое и шестое, а нижнюю часть, или подножие (*skioldfoden*) – седьмое, восьмое и девятое поле. В девятичастном щите, помимо правой и левой сторон, которые состоят соответственно из 1-4-7 и 3-6-9 полей, образуется еще столб (*pælen*), заключающий поля 2–5-8, где пятое поле носит название "сердцевое место" (*hjertestedet*)[21]. Необходимо, однако, отметить, что эти специальные геральдические термины вошли в употребление только в XIX столетии.

Щиты с числом полей от двух до четырех датчане носили уже в XIII столетии. Гербовые щиты с большим числом полей у датчан встречаются крайне редко и только с конца XIV в., когда берет начало история составного королевского герба. Самым почетным считалось первое поле, и, соответственно, достоинство прочих полей умалялось по мере их исчисления. Это правило в Дании уже действовало в XIII–XIV вв., судя по расположению фигур в гербах некоторых побочных отпрысков королевского рода Эстридсенов – герцога Южного Халланда Эрика Кнутсена (1277 г.) и его потомков (род Скарсхольм, XIV в.) (илл. 172–174), графа Северного Халланда Якоба Нильсена (1278 г.) (илл. 170), членов рода Лёвенбальк (1343, 1397 гг.) (илл. 175, 176). В этих гербах первое (верхнее) поле всегда отводилось льву (увенчанному короной или без нее), как фигуре, несомненно, более почетной, а второе (нижнее) – другим знакам (сердцам или балкам)[22].

Правило приоритета полей учитывалось и в многочастном королевском гербе, который ведет свою историю со времени заключения Кальмарской унии между Данией, Швецией и Норвегией (1397 г.). В этом гербе самые почетные поля всегда предназначались для эмблем королевств, а менее почетные отводились гербам прочих владений (герцогств, графств и т.д.).

В конце XII–XIII в. и затем с рубежа XVI–XVII в. в Дании щиты обычно изображались прямостоящими (*lodrette stilling*). Иначе обстояло дело в XIV–XVI вв. В эти столетия на печатях, на которых щиты совмещались со шлемами, и на надгробиях было принято показывать щиты в наклонном положении (*skrå stilling*), причем сторона наклона могла быть и правой, и левой[23]. Но надо при этом иметь в виду, что, когда щит изображался наклоненным "геральдически" влево, находящаяся на нем эмблема изображалась по принципу зеркального отражения, т.е. правое поле становилось левым, и наоборот. Как следствие, "геральдическое" правило о правой и левой стороне щита в такой зеркально отраженной эмблеме теряло свою силу. Это обстоятельство важно учитывать при описании гербов, ибо положению фигур на щите придавалось определенное значение, и если таковых фигур было две или более, то они могли иметь разное "достоинство", а соответственно, им отводилось более или менее почетное поле на щите. Например, на знамени короля Эрика Померанского 1427 г. (цв. илл. 19) и на его щите, изображенном на печати, бывшей в употреблении с 1398 г., гербу Дании отведено первое поле, а гербу, состоящему из трех корон, – второе поле[24] (илл. 127). Такое расположение гербов не было случайным, поскольку оно находило соот-

[21] DAS. Heraldisk Register (далее: DAS. HR). S. 66; *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 56.
[22] DKS. N 159–160; DAS. N 299, 447, 804, 1085.
[23] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 59–60.
[24] *Christensen A.E.* Kalmarunionen og nordisk politik 1319–1439. Kbh., 1980. SK. N 17; DKS. N 61.

ветствие в титуле Эрика, который в первую очередь назывался королем Дании и только во вторую — Швеции, эмблемой которой и являлись три короны. Однако на Кронборгском фризе, где щит того же короля предстает наклоненным в левую сторону, два названных герба показаны как бы в противоположных полях. О том, что в данном случае нашему взору предстает именно зеркально отраженный щит, свидетельствует положение львов в гербе Дании и гербе Шлезвига, помещенном якобы в третьем поле: вопреки традиции они обращены своими телами и головами в сторону наклона щита, т.е. "геральдически" влево. Против правила на означенном королевском щите изображен и норвежский герб, которому отведено якобы четвертое поле: восстающий лев с боевым топором здесь также смотрит влево, а не вправо (в "геральдическом" смысле). Очевидно, что в обычном положении щита герб Норвегии пребывал бы в третьем поле, как на знамени короля Эрика, который в своем титуле отводил Норвегии также третье место.

Другой пример подобной метаморфозы наблюдается в отношении герба рода Росенкранц. Этот герб в XIV–XV в. заключал знак в виде шахматной балки, пересекавшей щит от правового верхнего угла до левого нижнего. На печатях представителей этого рода (начиная с печати рыцаря Эрика Нильсена, 1355 г.) данный знак при наклоне щита вправо сохранял свое изначальное положение[25]. О том же свидетельствуют гербы на фризе в Орхусском соборе (цв. илл. 8–9) и герб рыцаря Отто Нильсена (ок. 1395–1477) в Гельдерическом гербовнике. Не изменилось положение этого знака на щите и в первой трети XVI в., когда представители рода Росенкранц внесли в свой герб еще двух восстающих львов, занявших места слева и справа от балки. В таком новом виде, например, предстает изображение герба рыцаря Хенрика (ум. 1537), которое сохранилось в Хорнслете (1532 г.). На нем обновленный герб рода Росенкранц передан на прямостоящем щите типа тарч, который при таком положении имеет вырез справа. Однако на надгробии этого же мужа тот же тип щита показан наклоненным влево, вследствие чего вырез тарча представлен тоже слева. Одновременно знаки на щите заняли другое положение: львы повернулись в противоположные стороны, а балка стала исходить как бы слева, со стороны выреза в щите[26]. Мы имеем здесь дело с правилом, а не исключением. Доказательством тому могут служить два изображения герба представителей рода Росенкранц на надгробной стеле Стена Росенспарре и Метты Росенкранц в Скархульте (Skarhult), датированной 1566 г.[27] (илл. 193). На одном из этих гербов, наклоненном влево, знаки, подобно случаю с гербом Хенрика Росенкранца на его надгробии, предстают как бы в зеркальном отражении. На другом же гербе, наклоненном вправо, они показаны так, как их принято было изображать на прямостоящем щите.

На надгробиях и портретах, исполненных в XV–XVI вв., на которых изображались гербы мужа и жены или отца и матери, или, наконец, предков обоих супругов или одной персоны, зеркально отраженным гербам всегда отводилась "геральдически" правая сторона. Такого рода гербы продолжали

[25] DAS. N 446, 470, 546, 950, 996.

[26] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Planchebind. Tavle 38.

[27] Ibid. Tavle 59.

Илл. 193. Надгробие Стена Росенспарре и его жены Метты Росенкранц. Скархультская церковь, 1566 г.

размещаться на указанных памятниках с той же стороны и тогда, когда щ
ты перестали изображаться в наклонном виде, о чем, например, свидетель
вует гравюра, содержащая портрет Кристена Фриса и гербы его предко
между которыми справа обнаруживаем зеркально отраженный герб ро
Росенкранц (1630-е годы) (илл. 31). Гербы предков могли также размещат
ся в два ряда друг над другом, и тогда зеркально отраженные гербы запим
ли нижний ряд, как можно заключить на примере двух гербов представит
лей рода Росенкранц по их изображениям на гравюре, передающей портр
Кристена Скееля (ок. 1630 г.) (илл. 32).

Датская геральдика, подобно геральдике других европейских стран, зн
ет случаи, когда на большом щите могли помещаться гербовые щиты мен
ших размеров: один, два, три или, что очень редко, четыре. Если таково
малого размера, щит обнаруживается на большом щите, и только один, т
его называют "сердцевым" (*hjerteskjold*). Однако последний мог быть заклю
чен еще и в другой щит, несколько больший, который принято называт
"средним" (*midterskjold*)[28]. Если же на большой щит накладывалось три щи
та, то, таким образом, средних уже насчитывалось два. Эти термины "серд
цевый щит" и "средний щит" – в датских текстах встречаются с XVII в.

Первым в Дании стал помещать сердцевый щит на большом гербово
щите король Эрик Померанский (с 1398 г.) (илл. 127). После него этот обы
чай переняли короли из Ольденбургской династии, а вслед за ними, уже в
второй половине XVII в., и датские вельможи: графы (например, Гриффен
фельдт), бароны (Хольберг, Росенкранц и др.) и некоторые нетитуловавшие
дворяне. Два средних щита и щиток, например, находим в гербе графа Дан
нескьольд-Лёвендаль (конец XVIII в.)[29].

Из весьма немногочисленных свидетельств источников, восходящих к се
редине – второй половине XII столетия, заключаем, что изображавшиеся
это "темное столетие" датской геральдики знаки или фигуры на щитах
(*skjoldets figurer*) датчан могли быть, употребляя современную терминоло
гию, "геральдическими" (*heraldiske figurer*) и "обыкновенными" (*almindelige
figurer*)[30]. Такого рода изображения характерны для датской геральдики XII
и последующих столетий.

Среди "геральдических" фигур, которых на памятниках XIII–XIV вв. на
считывается уже свыше пятидесяти, встречаются самые разнообразные, в
том числе и довольно распространенные в геральдике других европейских
стран. С XIII или XIV в. обладателями подобных гербов являлись многие
знатные роды, а именно: Тотт (Tott) – четверочастное деление (*firdelt*); Хак
(Hak) – четверочастное деление через скошение справа и слева (*skrådt firdelt*);
Баннер (Banner) – скошение справа (*skrådelt fra højre*); Бильд (Bild) – пересе
ченный щит (*delt skiold*); Грим (Grim), Хас (Has) и Бендеруп (Benderup) рас
сеченный щит (*kløvet skiold*); Мунк (Munk) и Краббе (Krabbe) – балка (*bjælke*);

---

[28] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 58–59.

[29] *Berner H.* Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // Herald. Tidsskr. 1971. N 24. S. 160.

[30] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 64. В русской формальной геральдике обыкновенные фи
гуры называются еще "негеральдическими" (*Арсеньев Ю.В.* Геральдика. Лекции, читанные
в Московском археологическом институте в 1907–1908 году / Сост., подгот. текста, ком
мент. и послесл. О.Н. Наумова. Ковров, 1997. С. 189).

Гален (Galen) – три балки (*tre bjælker*); Брагге (Brahe) – столб (*pæl*); Фальк (Falk) – вилообразное разделение (*tredelt ved et gaffelsnit*); Брок (Brok) – острие (*spids*); Кос (Kos) – стропило (*sparre*); Груббе (Grubbe) – разделение щита боковыми остриями справа (*tre spidser fra højre*); Росенкранц – шахматная балка справа (*en skråbjælke fra højre*); Билле (Bille) – рассеченный и три раза пересеченный щит (*kløvet og tre gange delt*); Сальтенсее аф Линде (Saltensee af Linde) – рассеченный зубцами крепостной стены (*kløvet af murtinder*); Руд (Rud) – ромб (*rude*) и другие[31].

За отсутствием письменных свидетельств, восходящих к XII–XIII вв., о происхождении этих и других "геральдических" фигур можно только делать предположения. Во-первых, можно предположить, что сам характер таких изображений обязан своим происхождением тому, как раскрашивались щиты. Известно, что у германцев еще в древности существовал обычай окрашивать щиты, но, как правило, одним цветом. Норманны также следовали этому обычаю. Кроме того, у них, по свидетельству "Младшей Эдды" (1222–1225 гг.), "в старину у щитов полагалось расписывать край, который назывался кольцом"[32]. Этой стариной мог быть и XII век, концом которого датируется фреска в Ольской церкви. На ней представлены сражающиеся конные рыцари со щитами, которые, в полном соответствии с показанием исландского источника, имели характерную кольцевую окраску (цв. илл. 38). Но на той же фреске обнаруживаем и одного рыцаря, который держит щит не только с кольцевой окраской, но и с полосой, рассекающей щит по горизонтали. Отсюда можем предположить, что постепенно, с развитием личных эмблем, у рыцарей, в том числе датских, стало входить в обыкновение отличать свои щиты, ранее имевшие типичную окраску, разными дополнительными цветами, придавая им, скорее всего, символическое значение, судя по господствовавшему тогда миросозерцанию. Самих цветов, наносимых на щит, могло быть и два, и больше. В результате создавались различные геометрические изображения, к чему было склонно умозрение эпохи готического искусства. С ростом числа лиц, желавших иметь отличительную эмблему, подобных изображений становилось все больше и больше. Таким образом, вероятно, уже к середине XIII в., сложился целый набор щитовых эмблем, составленных из сочетания цветов, за которыми закрепилось значение, личных и лично-наследственных гербов. Но поскольку именно такие гербовые знаки во второй половине XII – XIII в. получили широкое и преимущественное распространение в большинстве стран Западной Европы, они, вероятно, уже тогда стали осознаваться как эмблемы типические, что, несомненно, обусловливалось господствовавшим у западноевропейского рыцарства представлением о характере щитовых изображений.

Отсюда, однако, не стоит заключать, что "геральдические" фигуры считались на заре датской геральдики более почетными, чем так называемые "обыкновенные", или "негеральдические". Последние, хотя на более ранних памятниках они представлены и в меньшем числе, также обнаруживаются у немалого числа аристократических родов, чья родословная

[31] DAS. S. 66; *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 65–98.

[32] Младшая Эдда / Изд. подгот. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. М., 1994. С. 153.

Илл. 194. Печать Хольгера Грегерсена (Крогнос), 1379 г.

Илл. 195. Печать Андерса Эббесена Фроста (Ланге), 1360 г.

прослеживается до XIII–XIV вв.: Ульфельдт (Ulfeldt), Гюлленстьерне (Gyldenstjerne), Сальтенсее, Крогнос (Krognos), Вендельбу (Vendelbo), Дюре (Dyre), Неб (Neb), Пантер (Panter), Ланге (Lange), Лунге (Lunge), Гойе (Gøje), Кальв (Kalv) и другие.

Среди "обыкновенных" фигур в современной датской геральдике принято различать "естественные" (*hentede fra naturriget*), "мифические" (*fantasivæsener* или *overnaturlige væsener*) и "искусственные" (*kunstige genstande*).

К естественным фигурам причисляются изображения, передающие, правда, редко, человеческие фигуры (*menneskelige figurer*) или их части (*legemsdele*), животных (*dyrefigurer*) – млекопитающих (*pattedyr*) и пернатых (*fugle*), а также их отдельные части (рога, лапы, головы, крылья), разного рода растения (*planter*) и их фрагменты (*plantedele*), обитателей водоемов (рыбы, краб), раковины (*ibskal*) и небесные тела (солнце, луна, звезды разной конфигурации). Такого рода знаки, например, представлены в гербах родов: Вендельбу – голова человека (*mandshoved*), Бьёрн (Bjørn) – лапа медведя (*bjørnelab*), Йорт (*Hjort*) – голова медведя (*bjørnehoved*), Бугге (Bugge) – половина кабана (*et halvt vildsvin*), Уруп (Urup) – рога барана (*vædderhorn*), Бассе (Basse) – голова кабана (*vildsvinehoved*), Винд (Vind) – голова лошади (*hestehoved*), Сальтенсее – рога оленя (*to hjortevie*), Видинг (Viding) – голова льва (*løvehoved*), Пантер (Panter) – восстающий лев, или пантера (*løve, panter*) (илл. 182, 183), Дуе (Due) – голубь, или орёл (*due, ørn*), Хёг (Høg) – ястреб (*høg*), Урне (Urne) – лапа орла (*ørneklo*), Крогнос (Krognos) – крыло птицы (*fjerham* или *vinge*) (илл. 194), Ланге – три розы (*tre roser*) (илл. 195), Лунге – три лилии (*tre liljer*) (илл. 90–92), Порсе-Риббинг (Porse-Ribbing) – три сердца, или морских листа (*tre hjerter, søblade*) (илл. 180), Йернскьег (Jernskjeg) – раковина (*ibskal*), Гюлленстьерне и Виде – семиконечная звезда (*syvoddet stjærne*)[33] (илл. 88–89, 196).

[33] DAS. S. 65–66; *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 120–149.

Илл. 196. Печать Эрика Нильсена (Гюлленстьерне), 1355 г.

Илл. 197. Печать Йенса Кальва, 1267 г.

В разряд мифических знаков зачисляются фантастические существа. Их изображений датская геральдика (начиная с XIII в.) знает немного. Они служили гербовыми эмблемами только у нескольких дворянских родов: Ульфельдт – крылатый волк (*ulv i fjerham*) (илл. 82–83), Кальв – женщина, увенчанная короной, с крыльями, или гарпия (*jomfru i fjerham*) (илл. 197) и Скрам (Skram) – половина единорога (*en halv enhjørning*) (илл. 21). Кроме того, в гербе королей Дании с 40-х годов XV в. присутствовал коронованный дракон (*lindorm*), символизировавший один из их титулов, а именно "короля Славян (Вендов)"[34]. Дракон являлся также гербом герцога Лолланнского, как можно утверждать на том основании, что эта фигура во второй половине XIV в. была передана на печати 1360–1362 гг.[35] и доспехах герцога Лолланнского Кристофера Вальдемарсена (цв. илл. 16). Герб Лолланна изображен также в редакции гербовника Грюненберга, восходящей ко второй четверти XVI в.

Что же касается фигур "искусственных", известных датской геральдике с XIII в., то под ними понимаются предметы, сотворенные человеком. Некоторые из них могли являться гербами аристократических родов, как-то: Крумпен (Krumpen) – мельничное колесо (*møllehjul*), Неб (Neb) – якорь (*anker*) (илл. 198), Торнекранс (Tornekrans) – лестница (*stige*), Удсен (Udsen) – колокол (*klokke*), Мандеруп (Manderup) и Ульдсакс (Uldsaks) – ножницы (*uldsaks*). Кроме того, у не столь знатных родов и отдельных лиц в гербах встречаем стрелы (*pile*), наконечники для стрел (*pileod*), факелы (*fakler*), кольца (*ringe*), шапки (*huer*), копья (*spyd*), мечи (*sværd*) и т.д.[36]

"Геральдические" и "обыкновенные" фигуры могли соединяться вместе в одном гербе, будучи изображенными либо в одном поле, либо в разных по-

[34] DAS. HR. S. 65; *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 149–152.
[35] DKS. N 45 (легенда: "S' CRISTFORI DVCIS LALADIE").
[36] Ibid. S. 153–155.

лях. Так, на щитах Токе Эббесена, его сына и внука, изображенных на гербовом фризе в Сорёском монастыре (XIII в.), видим голубя поверх трех балок. Герб рода Ране, древнейшие изображения которого относятся к началу XIV в., представляет собой рассеченный щит: в правом или левом поле – один олений рог, в левом или правом – две балки[37] (илл. 95–96).

Илл. 198. Печать Уффе Педерсена (Пеб), 1364 г.

Известны также гербы датчан, в которых "геральдические" фигуры обременены "обыкновенными" фигурами. Например, в гербе рода Росенспарре, который восходит к XIV в., стропило обременено тремя розами[38].

В современном датском гербоведении при раскраске гербов принято употреблять четыре главных цвета (*farver*) – красный (*rødt*), синий (*blåt*), зеленый (*grønt*) и черный (*sort*), также два металла (*metaller*) – золото (*guld*) и серебро (*sølv*). Все эти цвета и металлы представлены в гербах датчан со Средних веков. В датских письменных памятниках, поначалу преимущественно в дворянских и городских гербовых грамотах, их словесные обозначения прослеживаются с позднего Средневековья. В описаниях на латинском языке, восходящих к XV–XVIII вв., использовались соответствующие латинские обозначения тех же цветов. Ведомы датской геральдике и меха (*pelsværk*) горностаевый (*hermelin*) и беличий (*gråværk*). Правда, гербы с их символическими изображениями в Дании встречаются редко[39]. Следует также отметить, что геральдические термины "металлы" и "меха" стали употребляться датскими гербоведами не ранее XVIII в., под влиянием геральдики немецкой или французской.

Вместо терминов "золото" и "серебро" или наряду с ними в Средние века и в более позднее время, судя по описаниям эмблем щитов и шлемов в гербовых и дворянских грамотах, использовались также слова "желтый" (*gul, gult*) и "белый" (*hvid, hvidt*). Так, щитовой эмблемой Нильса Нильссёна (1433 г.) являлась "половина желтой звезды с пятью зубцами и половиной красной луны в синем поле" (*en halff gull Stierne met fem Tagge, oc en halff rødh Mane uti et blat Feld*)[40] (илл. 199). "Два белых рога буйвола" (*tw hvide Wesene Horn*) представлены в щите и на шлеме Поуля Маттиссёна (1433 г.)[41] (цв. илл. 28). В гербовой грамоте города Рённе (1562 г.) его

[37] DAS. N 86 (печать Нильса Ране).

[38] Ibid. N 405 (печать Йенса Нильсена аф Скарехольт).

[39] Ibid. S. 44–50.

[40] Niels Nielssøns Vaaben og Adels Brev, givet af Kong Erik af Pommern 1433 // DM. 1745. Bd. I S. 99.

[41] Povel Matthissøns Vaaben og Adels Brev, givet af Kong Erik af Pommern 1433 // DM. 1746. Bd. II S. 35–36.

Илл. 199. Герб Нильса Нильссёна из его дворянской грамоты, 1433 г.

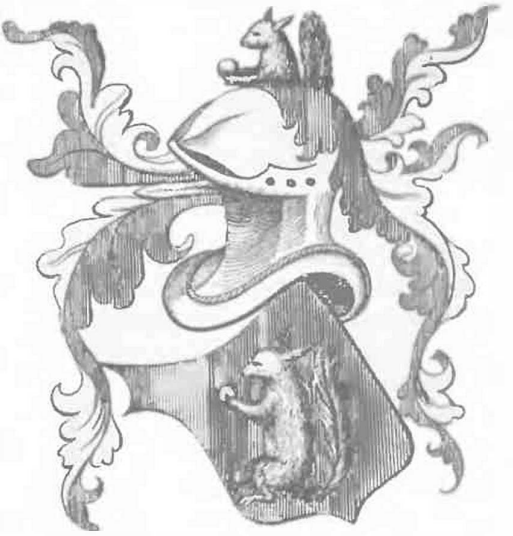
эмблема описана как "три белые трески в синем поле" (*Tre hvide Torske udi et blaat-feldt*). В дворянском патенте Х. Воскама (1701 г.) говорится о дворянском турнирном шлеме "с двумя белыми или серебряными перьями страуса" (*med tvende hvide eller Sølf Strudtz fieer*). Следует также отметить, что в Дании Нового времени вместо слова "красный" могло употребляться слово "пурпурный" (*purpur*), которое в Средние века использовалось при описании цвета предметов одежды государей. В датских геральдических текстах XIX–XX вв. встречается также слово "оранжевый" (*orange*).

Известны, кроме того, гербы датчан, частично окрашенные в естественные цвета (*naturfarve*), которые иногда находили словесное выражение в дворянских грамотах. Эти цвета обычно использовались при раскраске животных, людей и явлений природы. Например, в 1497 г. Нильс Мадсён получил дворянскую грамоту, в которой фигура его щитовой эмблемы описана как "целая серая белка в красном поле" (*ith heelth groeth Eggerne udi ith røeth feldht*)[42] (илл. 200). Впрочем, по обычаю, установившемуся еще на заре западноевропейской геральдики, в гербах датчан образы животных часто окрашивались в цвета, которые не свойственны их природным прообразом. Этот обычай, источником которого, надо полагать, послужило символическое восприятие мира, характеризовавшее средневековое умозрение, на датской почве, как можно заключить из источников, впервые обнаружил себя в окраске львов синим цветом в королевском гербе. Иначе говоря, идея изображать животных с несвойственной им окраской, например, львов представлять синими, была обусловлена тем, что на заре геральдики в гербовых эмблемах цвета исполняли роль самостоятельных знаков, посредством которых выражались духовные переживания человека.

В датских текстах Нового времени в описаниях гербов иногда встречаются слова, призванные подчеркнуть характер цвета. Такие слова употреблял Л. Хольберг в рассказе об эмблемах составного герба королей Дании. В описании датской эмблемы он употребил выражение "три небесно-синие

[42] Niels Madsøns Vaaben og Adels Brev, givet af Kong Hans 1497 // DM. 1747. Bd. III. S. 163.

льва" (*3 himmel-blaae løver*), а герб Фемерна представил как золотую корону "в лавандо-синем поле" (*udi en lavendel-blaae feldt*)[43].



Илл. 200. Герб Нильса Мадсёна из его дворянской грамоты, 1497 г.

Исходя из того обстоятельства, что герб короля Дании, вероятно, с самого своего зарождения был окрашен в золотой (поле щита), синий (три льва) и красный (сердца) цвета, о чем свидетельствуют изобразительные памятники XIII–XIV вв., можно предположить, что именно эти цвета еще на заре датской геральдики обрели наибольший почет в сознании датчан. Таким же почетом, несомненно, еще в Средние века стал пользоваться и цвет белый, в который окрашивался знак креста на датском знамени и в составном королевском гербе. Все эти цвета употреблялись в дворянских гербах, как можем судить по их живописным изображениям, представленным памятниками XIV– XVII вв. Замечательно, что и Бартоло ди Сассоферрато в трактате "О знаках и гербах" (середина XIV в.) указывает на золотой, красный (алый, пурпурный), синий (голубой) и белый как на самые благородные цвета[44]. Это умозаключение итальянского писателя находит подтверждение в том факте, что именно указанные цвета со Средних веков представлены в гербах большинства европейских государей, например, королей Англии (золотые львы в красном поле) и Франции (белые лилии в синем поле). Отсюда можем заключить, что представления о цветах в средневековой датской геральдике имели своим источником общие представления, господствовавшие в Западной Европе. Их истоки, помня о господстве религиозного миросозерцания в Средние века, по-видимому, следует искать в воззрении на цвета, утвердившемся еще ранее в христианском сознании и находившем отражение в памятниках словесности, иконописи и храмовой фресковой

---

[43] *Holberg L.* Om Danmarks og Norges Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Beskrivelse. Kbh. 1729. S. 630–631.

[44] Бартоло, основываясь на представлениях своего времени, выстраивает иерархию цветов. "Золотой цвет благороднее остальных" (*Aureus color nobilior est ceteris*), за ним следует "цвет красный, или пурпурный" (*color rubeus seu purpureus*), "Синий цвет – третий" (*Azureus color est tertius*), "Цвет белый – благороднее черного" (*Color albus est nobilior nigro*): *Bartoli* de insigniis et armis tractatus // Medieval Heraldry: Some Fourteenth Century Heraldic Works / Ed. by E.J. Jone. . N.Y., 1943. P. 226.

живописи. Христианская мысль наполняла цвета духовно-символическим смыслом. При этом прибегали к истолкованию цветов природных явлений, которым уподоблялись явления духовные. Так, через свет, солнце, золото выражалось понятие Бога, а потому золотому цвету в иерархии цветов христианской живописи изначально отводилось первостепенное место. В памятниках церковного искусства золото – это нетварный свет, цвет Божественной славы, символ Небесного Иерусалима, Града Божия. По своей семантике к золоту примыкал белый цвет, обозначавший чистоту, непорочность, целомудрие. Ему противопоставлялся цвет черный как символ тьмы, преисподней, вследствие чего он в иерархии цветов находился на последнем месте.

Символом Небесного Града считался также синий цвет – естественный цвет неба, небосвода, воздушного пространства, купающегося в лучах солнечного света. В него окрашивались одеяния Спасителя и особенно часто Богоматери, Царицы Небесной (*Regina Caeli*).

Что касается красного цвета, то он в церковной живописи символизировал кровь Христа и мучеников, претерпевших страдания за веру христианскую. Напомним также, что высокое достоинство красного цвета христианскими правителями признавалось еще со времени императора Константина Великого (IV в.), что выражалось в использовании ими красных знамен и хоругвей как знака победы веры Христовой над язычеством. Одновременно с ранним Средневековья красный цвет почитался царским цветом. В красном одеянии в церковной живописи представал Спаситель, Царь Небесный, бывший Прообразом царя земного, являвшегося своим подданным тоже в красном облачении, в пурпуре, как о том свидетельствует история государей Римской (Византийской) империи. Впоследствии от византийских императоров этот обычай переняли другие христианские правители, в числе которых были и скандинавские конунги. Плащ красного цвета, согласно саге о нем, в начале XII в. носил король Норвегии Магнус Голоногий. В одеяния этого цвета облачались также короли Дании, о чем говорится в дополнении к Роскиллеской хронике, которое было написано на рубеже XII–XIII вв.: в 1157 г. во время совершения обряда помазания на царство и коронования король Вальдемар I был облачен в пурпур (*purpuratus*) архиепископом Лундским Эскилем[45].

Представлен в церковной живописи и зеленый цвет – символ вечной жизни, Святого Духа, надежды и возрождения.

Впрочем, признавая за цветами первых гербов религиозно-символическое значение, нельзя, однако, не отметить, что позднее они утратили его, о чем уже свидетельствуют истолкования цветов у авторов трактатов о гербах (XIV–XV вв. (Бартоло, Аптон и др.). В их рассуждениях, часто основанных на обобщениях античных и раннесредневековых писателей, цвета выступают знаками природных явлений и моральных качеств. В этом сказался общий дух времени, характеризовавшийся все более нараставшим обмирщением сознания, чему свидетельством служит то, что религиозно-символическое понимание цветов со времени высокого и позднего Средневековья мало-помалу утрачивалось и в западноевропейской церковной живописи, так что в эпо-

ху барокко в религиозном искусстве цвета стали использоваться и вовсе как декоративный элемент.

Правила сочетания цветов и металлов в современной датской геральдике подчинены тем же требованиям, которые предписывает формальная геральдика. Речь идет о том, что золото не должно накладываться на серебро, и наоборот. Замечательно, что этому правилу издревле следовали и мастера церковной живописи, откуда можно предположить, что каноны последней оказывали влияние на становление геральдического искусства. Указанное правило, проистекавшее, очевидно, от стремления доставить человеческому глазу более четкое различие между полями и фигурами, вероятно, в главных чертах своих действовало в Дании уже со Средних веков, как можно заключить по немногочисленным цветным изображениям гербов, уцелевшим на гербовых фризах (правда, зачастую в поновленном виде) и в гербовниках. Однако, как исключения, бывали случаи, когда один металл накладывался на другой, что наблюдаем в гербе рода Серлин (золотой пятнистый лев в серебряном поле), который в цвете изображен на надгробной стеле Маргреты Сковгорд (начало XVII в.) (цв. илл. 18).

Западноевропейская геральдика полна случаями, когда гербовые эмблемы могли изображаться и на других предметах, нежели щит. В Средние века и в начале Нового времени таковой обычай существовал и в Дании, как можно заключить хотя бы на основании тех немногих свидетельств, которые до нас дошли. Так, на надгробии короля Эрика VI, созданном около 1320 г., образ этого государя предстает в длинной тунике, украшенной тремя львами и многочисленными сердцами (илл. 23). Герб короля Дании, правда, без сердец, изображен также на знамени в "Мекленбургской хронике" Киркберга (конец XIV в.) (илл. 38), и на стяге Эрика Померанского, который был захвачен ганзейцами в 1427 г. (цв. илл. 19). Тот же герб с конца XIII в. мог представать без щита на печатях, о чем свидетельствует иконография печатей герцога Кристофера (1316–1320 гг.) и короля Олафа III (1376 г.)[46] (илл. 135).

Уже на печатях датчан, живших в XIV в., мы можем обнаружить щиты со знаками, чьи имена соответствовали личным прозвищам владельцев этих гербовых щитов: например, Йенс Хёг (Høg – Ястреб) гербом имел ястреба (1346–1347 гг.), Миккель Краббе (Krabbe – Краб) – краба (1354 г.), Педер Фальк (Falk – Сокол) – сокола (1353 г.), а Нильс Свале (Svale – Ласточка) ласточку (1391 г.)[47]. Что бы, однако, в данном случае ни предшествовало прозвище гербу или наоборот, мы имеем дело здесь с так называемыми гласными, или говорящими, гербами (*talende våbener*). Их число среди датских гербов значительно возросло в XVI в., после 1526 г., когда король Фредерик I издал указ, по которому дворянские роды, не имевшие к тому времени постоянных родовых прозвищ, должны были таковыми обзавестись. В результате более трех десятков родов закрепили за собой родовые прозвища, которые полностью или частично происходили от их гербов. Так появились, например, фамилии: Гюлленстьерне (Gyldenstierne – Золотая Звезда) – в гербе золотая семиконечная звезда; Ульфельдт (Ulfeldt – Волк и Поле) – в гербе крылатый волк; Лёвенбальк (Løvenbalk – Лев и Балка) – в гербе идущий лев над

[46] DKS. N 47.
[47] DAS. N 347, 417, 410, 948.

двумя балками; Бьёрн (Bjørn – Медведь) – в гербе медвежья лапа; Росенвинге (Rosenvinge – Роза и Крыло) – в гербе в правом поле роза, в левом поле крыло; Росенспарре (Rosensparre – Роза и Стропило) – в гербе стропило, обремененное тремя розами; Марсвин (Marsvin – Дельфин) – в гербе дельфин; Тролле (Trolle, Trold – сказочный персонаж) – в гербе безголовое человекообразное существо. При создании фамилии могли также приниматься во внимание цвет поля, как у Витфельдтов (Huitfeldt – Белое Поле) – в гербе красная балка справа в белом поле, и самое наименование щита, что имело место у Монескьольдов (Måneskiold – Луна и Щит) – в гербе золотой месяц в синем поле[48].

Гласные гербы появлялись в Дании и впоследствии, когда за лицом, возводимым в дворянское достоинство, закреплялась новая фамилия, которая создавалась на основе тогда же пожалованного герба, или, наоборот, когда сохранявшаяся за новым дворянином его старая фамилия давала материал для создания герба. Так, флотоводец Педер Вессель, получивший в 1716 г. одновременно с дворянским званием и новую фамилию – Торденскьольд (Tordenskiold – Гром и Щит), имел в своем гербе изображение золотой молнии о четырех лучах, помещенное в первом поле четверочастного щита. Обратный пример, касающийся использования фамилии в качестве источника для создания гласной фигуры, представляет герб барона Людвига Хольберга, не менявшего своей фамилии при возведении в дворянское достоинство. На щитке его герба видим "голую гору", что по-датски значит "hult bjerg" или, на немецкий лад, "holberg"[49].

К сожалению, источники, восходящие к Средним векам и к началу Нового времени, почти не содержат свидетельств о том, каким образом толковались в Дании эмблемы, изображавшиеся в щитах. Самое раннее известие о таком толковании относится только к началу XVI в., но оно драгоценно еще и тем, что исходило из уст самого владельца эмблемы, а именно архиепископа Лундского Биргера Гуннерсена (1497–1519). На его щите была изображена липа (*lind*) (цв. илл. 3), которую архиепископ сделал своей главной эмблемой на том основании, что родился в деревне под названием Линнеберг (Lindeberg – Липовая Гора). Она находилась в Северном Халланде, в херреде Химле (Himle – Небеса), имя которого было соотнесено с воображаемым над липой небом как символом, который должен напоминать христианам о Небесном Отечестве (*Himmelske Fæderneland*). Значение христианских символов приписывается и отдельным частям дерева: три корня, отходящие от ствола, символизировали Святую Троицу (*den hellige Trefoldighed*), пять ветвей – пять ран Христовых (*Christi 5. Saar*), а десять листьев на них – десять Божьих заповедей (*de 10. Guds bud*). Кроме того, под липой находились семь разноцветных камней, которые были призваны олицетворять семь смертных грехов (*dødelige Synder*)[50].

На религиозной почве создавались личные эмблемы и лютеранских епископов Дании. Так, эмблема епископа Роскиллеского (с 1615 г.) Ханса Рее-

[48] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 39–41; *[Achen] S.T.* Navn efter våben // Herald. Tidsskr. 1966. N 13. S. 117.

[49] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 40–41.

[50] *Huitfeldt A.* Bispekrøniken: Den Geistlige Histori offuer alt Danmarckis Rige. Kbh., 1604. S. 91–92.

Илл. 201. Эмблема епископа Роскиллеского Ханса Ресена, 1615–1638 гг.

Илл. 202. Эмблема епископа Роскиллеского Йеспера Брокмана, 1638–1652 гг.

на (1561–1638) состояла из изображения Агнца – символа Христа, – держащего лилию с тремя лепестками, символизировавшими Святую Троицу, и трех латинских букв "v", которыми начинались слова речения "vera via veritas" (правильный путь – истина)[51] (илл. 201).

Другой епископ Роскиллеский, Йеспер Брокман (1582–1652), представлялся с "гербом", который состоял из щита и шлема. На щите, поделенном вертикальной линией на две половины, в правом поле изображались неполная луна, "которая получает свой свет от солнца", как "человек получает жизненные силы от Бога", и три лилии – символ Святой Троицы; в левом поле помещался восстающий лев – символ Христа[52] (илл. 202).

Но эмблемы или гербы лютеранских епископов Дании могли заключать также знаки с мирским значением. Так, поэт и епископ Томас Кинго (1634–1703) в 1679 г. был возведен в дворянское достоинство и при этом получил герб, состоявший из щита и шлема. Щит был поделен горизонтальной линией на два поля; в верхнем помещался Пегас – символ поэта Кинго, в нижнем изображались три звезды – символ Святой Троицы. Оба символа должны были свидетельствовать, что владелец герба являлся одновременно сочинителем стихов и церковным деятелем. На занятие Кинго поэзией указывали также знаки на шлеме: крылья Пегаса и рука, держащая лавровый венок[53] (илл. 203).

Из приведенных описаний эмблем датских епископов видно, что в Дании на исходе Средневековья и в первые века Нового времени гербовые знаки могли истолковываться как религиозные символы, причем все элементы, из которых состояла эмблема, имели свой символический смысл. И мы помним, что именно как набор отдельных знаков рассматривали гербовые эмблемы

---

[51] *Haugaard J. et al.* Dansk litteratur historie. Kbh., 1983. Bd. 3. S. 33.
[52] Ibid. S. 34.
[53] Ibid. S. 334.

Илл. 203. Томас Кинго. Неизвестный художник, 1684 г.

авторы средневековых геральдических трактатов, выражая тем самым общее умозрение своей эпохи, в частности по отношению к художественному творчеству. Но и религиозный символизм тоже являлся характерной чертой средневекового мышления, о чем свидетельствуют истолкования гербовых эмблем рыцарей в иностранных литературных памятниках. Примером может служить герб Гавейна в английском романе XIV столетия "Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь": "...щит, который был ярко-красный с пятиугольником, нарисованным из чистого золота"[54]. Среди различных смысловых значений пятиугольника (*pentagel*), приводимых автором романа, отмечаются "пять ран Христа, полученных на кресте"[55], которые в эмблеме датского архиепископа, как мы видели, символизировались пятью ветвями дерева. Любопытно, что точно такой же герб, как у Гавейна, с XIV в., согласно свидетельствам гербового фриза в церкви Сорёского монастыря и печатям, в Дании носили представители рода Скаве (Skave) (цв. илл. 6). Что, однако, они понимали под пятиугольником (пятиконечной звездой), о том можно лишь догадываться. Впрочем, принадлежность Дании и Англии к одному культурно-историческому миру позволяет нам предположить, что на датской и английской почве в XIV в. пятиугольник должен был истолковываться схожим образом, а именно так, как это сделал автор романа о сэре Гавейне. Помимо пяти ран Христа, этот знак (*syngne*) служил символом "истины", "пяти чувств" и "пяти пальцев" Гавейна, пяти радостей Богоматери (Благовещение, Рождество, Воскресение, Вознесение и Успение), а также обозначал "товарищество и щедрость" Гавейна, "чистоту и его куртуазность" и "благочестие", т.е. те свойства, которыми отличался славный рыцарь[56].

Эти толкования пятиугольника, которые представил английский писатель XIV в., свидетельствовали о том, что в его время гербовые фигуры могли восприниматься одновременно и как религиозные символы, и как

---

[54] "...þe schelde, þat was of schyr goulez // Wyth þe pentangel depaynt of pure golde hwez" (*Silverstein Th.* Sir Gawain and the Green Knight: A New Critical Edition. Chicago; L., 1984. P. 52 (стихи 620–621)) (Рус. перевод см.: Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь / Изд. подгот. В.П. Бетаки и М.В. Оверченко. М., 2003).

[55] "þe fyue woundez // Þat Cryst kazt on þe croys" (Ibid. P. 52 (стих 640)).

[56] Ibid. P. 52–53 (стихи 640–654).

знаки духовных качеств, свойственных мирскому человеку. Это означало, что в XIV в. на западноевропейской почве в истолковании гербовых знаков начало светское уже настолько возвыситься, что встало вровень с началом религиозным. Истоки этого возвышения следует искать в эпохе зарождения самой геральдики, в основании которой, как мы выше пытались показать, лежала суетная тоска души человеческой по внешним отличиям. Общий дух нарастающего обмирщения, почивший на народах Западной Европы в высокое и позднее Средневековье и находивший выражение в художественном творчестве, которое все более искало духовной опоры в памятниках античной языческой культуры, не мог не сказаться на характере восприятия гербовых эмблем. Двойственный лик культурной жизни позднего Средневековья, явившийся следствием смешения еще не угасших религиозно-символических переживаний и обретавших силу мирских устремлений, во многом питавшихся античной мудростью, предопределил и двойственное отношение к смысловому содержанию знаков в гербах.

Теми же духовными переменами определялась культурно-историческая жизнь Дании XIII–XV вв., как можно заключить по изменениям в характере фресковой живописи датских церквей. В эти столетия она наполняется мирскими образами и картинами, хотя по-прежнему с религиозно-учительными целями, а сами христианские образы утрачивают черты одухотворенности, которые были свойственны им в эпоху господства романского искусства. Одновременно оскудение христианского умозрения и подъем мирского настроения, вероятно, стали определять и отношение датчан к символике гербовых эмблем. Действительно, из описания эмблемы архиепископа Биргера Гуннерсена видно, что не все ее знаки представлялись только религиозными символами, но имели и мирское толкование: дерево липа указывало на название родной деревни Биргера, а небосвод соотносился с именем херреда, в котором находилась эта деревня. Об обмирщении сознания в Дании в конце Средневековья и в начале Нового времени свидетельствует и то, что в XVI в. главные фигуры гербовой эмблемы короля Дании уже не мыслились иначе как олицетворение природных явлений: три синих льва обозначали три пролива, разделявшие датские земли.

В дальнейшем, со второй половины XVII в., в Дании вошло в обычай при создании нового герба использовать знаки, которые символизировали не только место рождения, но и профессиональную деятельность владельца герба. Мирские воззрения на гербовые эмблемы, таким образом, полностью восторжествовали. И это тем примечательнее, что речь идет уже об эпохе рационализма, когда европейская культура твердо встала на путь решительного разрыва духовной связи с христианским миросозерцанием. Примером создания герба на началах чисто мирских, не христианских служит многочастный герб датского писателя Л. Хольберга, который был пожалован ему при возведении в баронское достоинство. Помимо гласной эмблемы (гора), заключенной в щитке, в гербе видим еще две фигуры, изображенные в главном четверочастном щите: норвежскую сосну (занимает первое и четвертое поле) – знак того, что Хольберг родился в Норвегии, и лиру Аполлона (второе и третье поле) – символ его писательской деятельности (цв. илл. 52). Замечательно, что названные фигуры явились плодом измышлений самого

Хольберга[57]. Припомнив же, что эмблема архиепископа Биргера Гуннерсена также была обязана своим происхождением умозаключениям ее владельца, можно утверждать, что в Новое время на датской почве прочно утвердился обычай, согласно которому новые гербовые эмблемы создавались при участии их будущих носителей.

С учетом пожеланий или при прямом участии их владельцев новые гербы измышлялись и в XX в., являя в эмблемах печать обмирщенного сознания эпохи, даже если это сознание порой стремилось представиться христианским. Например, в 1959 г. руководитель здравоохранения Дании И. Франдсен был пожалован Большим крестом ордена Даннеброга, вследствие чего его герб должен был быть вывешен в орденской капелле в церкви замка Фредериксборг. Поскольку И. Франдсен не имел герба, то, как и в других подобных случаях, для него был создан герб, причем с учетом его пожеланий. Эти пожелания сводились к тому, чтобы в гербовой эмблеме проиллюстрировать "жизнь в медицинской службе на христианских началах" (*et liv i medicinens tjeneste på kristen baggrund*). В результате была создана гербовая эмблема, состоявшая из абстрактного образа сельской церкви в виде ступенчатой фигуры, внутри которой представал петух. Образ церкви указывал не только на исповедание И. Франдсеном христианских заповедей, но также на то, что он родился в деревне. Петух же символизировал профессиональную деятельность медицинского работника. Его образ был позаимствован из греко-римской Античности, где он служил символом бога врачевания Асклепия (Эскулапа)[58]. Следовательно, в одной гербовой эмблеме оказались рядом символы христианский и языческий, что явилось отражением того смешения понятий и верований, которое наблюдается в сознании европейского человека с эпохи позднего Средневековья. Итогом этого мировоззренческого хаоса, стало то, что считающие себя христианами восприняли образы и символы, понятия и учения, культы и обряды, в основании которых лежали языческие верования. И если обычным делом стало, что объявляющий себя верующим во Христа отдает поклон вечному огню или возжигает олимпийский огонь, то нет ничего удивительного и в том, что в геральдике символы христианские смешались с символами чисто светскими или имеющими языческое происхождение.

В Дании Нового времени, как уже отмечалось, предпринимались попытки символически истолковать средневековые эмблемы, коих смысл был к тому времени утерян. Особенно большой интерес в этой связи вызывали эмблемы, включавшиеся в многочастный королевский герб. Например, дракон, который с XIV в. являлся гербом герцога Лолланнского, с 1440-х годов иллюстрировал имя Славян (Вендов) в титуле короля Дании. При отсутствии прямых указаний в источниках XV в. неизвестно, чем было вызвано такое отождествление. Но в Новое время верили, что это произошло по причине язычества славян на момент подчинения их власти короля Дании, ибо дракон

[57] *Брандес Г.* Еще о Людвиге Гольберге // Брандес Г. Собр. соч. СПб., 1896. С. 431; *Krag H.* Om Ludvig Holbergs segl og våben // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 10–15; *Feldbæk O.* Neerhed og adskillelse 1720–1814. Kbh., 1998. (Danmark–Norge 1380–1814. Bd. IV). S. 110 (гравированный портрет Л. Хольберга с его баронским гербом).

[58] *[Achen] S.T.* Et nyt borgerligt Våben // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 37.

(змий) в христианском понимании, опираемся на тексты Священного Писания, служил олицетворением темных, злых сил, противостоявших христианству[59].

Начиная с XVI в. и вплоть до наших дней не оставляются попытки найти объяснение тому, что собой обозначали три льва, бывшие главными фигурами герба королей Дании. Но все эти суждения, лишенные сколько-нибудь прочной опоры в свидетельствах источников XII–XIII вв., могут восприниматься лишь как домыслы или, в лучшем случае, гипотезы, авторы которых, сообразно собственному умонастроению, вдохновлялись романтическими, религиозными или политическими идеями. В трех синих львах усматривали символ трех проливов – Эресунна, Большого и Малого Бельта, – разделявших датские земли (по свидетельству XVI в.), или соотносили их число со Святой Троицей. Вспоминали и о средневековом восприятии образа льва как символа Воскресения и о том, что лев при этом часто изображался с тремя львятами. Не забывали, конечно, и о древнем истолковании образа льва как символа власти, и в связи с этим пытались доказать, что короли Дании приняли герб со львами, чтобы тем самым наглядно выразить свою политическую независимость от Священной Римской империи[60].

Давно, однако, подмечено, что на конец XII и первую четверть XIII в. приходится время, когда гербы, заключавшие в себе трех львов, наряду с королем Дании Кнутом VI (ок. 1194 г.) стали носить и другие западноевропейские государи. Это были король Англии Ричард I (ок. 1195 г.) и герцог Швабии Филипп Штауфен (ок. 1197–1198 гг.)[61]. И что именно символизировали эмблемы этих государей, тоже неизвестно. Например, в Англии в позднее Средневековье существовало мнение, что три льва в гербе английских королей появились вследствие объединения двух гербов – Нормандии (два льва) и Аквитании (один лев). Но этого мнения не разделял составитель английского "Трактата о гербах" XV в.[62] Стало быть, в Англии, равно как и в Дании, на исходе Средних веков существовали только догадки или, скорее, домыслы относительно изначального смысла, с которым в конце XII в. могла быть создана эмблема "три льва"

Поскольку эту эмблему приблизительно в одно время приняло несколько западноевропейских государей, то поначалу она, вероятно, являлась типической, т.е. выражала одну идею. Однако во второй половине XIII в. гербы с тремя львами превратились в родовые, которые могли носить королевские братья и сыновья, обладавшие различным политическим и семейным статусом. Это свидетельствовало о том, что идея эмблемы "три льва", возникно

---

[59] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 152; *Bartholdy N.G.* Rigsvåben // Den Store Danske Encyklopædi. Kbh., 1996. Bd. 4. S. 454–455.

[60] *Thiset A.* Nogle Bemærkninger om dansk Heraldik i Fortid og Nutid // ANOH. 1902. R. 2. bd. 17. S. 27; *Humphery-Smith C.* Hvorfor tre leoparder? // Herald. Tidsskr. 1982. N 46. S. 261–264. *Bartholdy N.G.* Valdemarernes løvevåben: Hovedtræk af en Teori om de danske kongers politiske motivering for at antage løvefiguren i det 12. århundrede // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 21–30.

[61] *Gönner E.* Das Wappen de Herzogtums Schwaben und des Schwäbischen Kreises // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. Jahrgang. XXVI. 1967 Festgabe Walter Grube zur Vollendung des 60. Lebensjahre. Struttgart, 1967. S. 43.

[62] Tractatus de armis // Medieval Heraldry. P. 209–210.

вение которой обусловливалось культурно историческими причинами конца XII в., к середине XIII в. уже была предана забвению. Следовательно, открывалась возможность для новых истолкований гербов с тремя львами, что мы и наблюдаем в позднее Средневековье и на заре Нового времени.

Та же судьба в отношении смыслового содержания не могла не постигнуть производные гербы. Как уже отмечалось, с XIII в. на датской почве таких гербов было создано немалое число. Уже сами обстоятельства появления производных гербов свидетельствовали о том, что идея, поначалу ими выражавшаяся, могла находить объяснение только при их сравнении с гербами, которым они были обязаны своим происхождением, и при понимании того, какие личные и общественные отношения символизировались обоими гербами. Излишне говорить, что в силу различных причин со временем такие сравнения и истолкования переставали производиться, в результате чего герб, смысловое содержание которого становилось понятным в его связи с гербом-донором, в сознании его носителя утрачивал свою первоначальную идею. Говоря об этой идее, нельзя также не отметить, что она была лишена религиозно-символического содержания, каковым могли наполняться гербовые эмблемы в Средние века. Другими словами, уже в высокое Средневековье в эти эмблемы мог вкладываться разный смысл, отражавший как религиозные, так и общественно-политические настроения эпохи. Но в любом случае гербы являлись символическими эмблемами, правильное истолкование которым были способны дать только их носители. А это истолкование со временем могло претерпевать изменения. Более того, как мы видели на примере герба Гавейна, в Средние века один и тот же знак в одно и то же время мог заключать самые разные значения, что обусловливалось характером средневекового миросозерцания, искавшего и находившего в явлениях символы духовных понятий.

Насколько можно заключить по памятникам средневековой письменности, в Средние века среди владельцаев гербов не было принято раскрывать смысловое содержание их эмблем. Объяснение тому, вероятно, следует искать в умонастроении средневекового человека, в его мистическом отношении к тем знакам, которые в виде красок и фигур отражали его духовно-душевные переживания. На герб переносились свойства его владельца, поэтому для последнего раскрыть содержание эмблемы означало раскрыть и свою душу, чего не принято было делать публично, поскольку в этом поступке была бы усмотрена гордыня, да и самая душа предстала бы незащищенной от злых сил. Из мистического воззрения на гербовые эмблемы, надо полагать, и развился обычай не указывать в грамоте на пожалование дворянских прав и герба того, что обозначали конкретные его элементы. Данный обычай, правда, уже утратив свою духовную основу, соблюдался в Дании и в Новое время, вплоть до середины XIX в., когда прекратилась выдача гербовых патентов. Исключением явилось только постановление конца XVII в. о гербах графов Даннескьольд, потомков побочных сыновей королей Дании Фредерика III и Кристиана V. Но и в этом постановлении раскрывалось смысловое содержание лишь "шифров", которые обозначали имена упомянутых королей. Иначе стало обстоять дело в новейшую эпоху. Теперь, как правило, при публикации в печати вновь созданного герба не только дается описание гербовой эмблемы, но и раскрывается та идея, которая предопределила

характер иконографии герба. Это неписаное правило касается как эмблем отдельных лиц, что мы уже наблюдали на примере герба И. Франдсена, так и эмблем территориально административных единиц Датского королевства, большая часть которых была создана именно в XX столетии.

Итак, можно заключить, что в Дании понятия о гербовом щите с его эмблемой в целом находились в непосредственной зависимости от тех перемен, которые с течением времени происходили в умонастроении датчан. А поскольку это умонастроение развивалось в тесной связи с изменением мировоззерцания всего западноевропейского культурно-исторического мира, то следствием такого развития становились многие общие черты, которые обнаруживаются в образности и смысловом содержании датского гербового щита, его фигуральных и цветовых знаков при сравнении с подобными явлениями в геральдике других стран Западной Европы. История гербового щита представляла собой путь от типического образа боевого щита, изображение которого обусловливалось понятиями романского и готического искусства, к живописному и пластическому произведению художественных стилей Нового времени. Смысл щитовых знаков претерпевал изменения на почве господства и затем разложения религиозно-символического умозрения высокого и позднего Средневековья и, в конце концов, секулярного мировоззрения в последующие эпохи.